

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 27; 930.85; 94 (5); 94 (100) 05; 94 (510)03; 94 (517)

«ЛЮДИ КУЛЬТУРЫ» НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ КАК ПРОДУКТ КУЛЬТУРНОЙ РЕЦЕПЦИИ

Г.Г. Пиков

Национальный исследовательский
Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия

pikov@gf.nsu.ru

Статья посвящена феномену так называемых «людей культуры» в двух областях Евразии – Европе и Восточной Азии. Они появляются как продукт культурного обмена между Югом (Средиземноморье, собственно Китай) и Севером, населенным людьми другой ментальности и экономики. Речь идет о различном восприятии той конфигурации культуры, которая сложилась в древности и стала иметь парадигмальное значение для всего метарегиона («христианский мир», восточноазиатская цивилизационная зона).

В качестве примеров таких людей взяты крупнейший деятель средневековой культуры Эриугена, оставивший глубокий след в схоластике, и Елоуй – член императорского рода в кочевой киданьской империи Ляо (907–1125) Туной. Люди с нетрадиционными взглядами на культуру и сложной судьбой, они продемонстрировали своеобразное отношение к южной культуре не как к форме и средству образования, а как к комплексу идей и рецептов строительства новой политической и культурной реальности.

Ключевые слова: «люди культуры», культура, древность, ментальность, империя, образование.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-2.2-99-107

Средние века стали временем, когда в Евразии особенно интенсивно шли сложные интеграционные процессы. На первой стадии произошло культурное оформление южной зоны – «романизация» Средиземноморья и «китаизация» собственно Китая, т. е. территории с центром в междуречье Хуанхэ и Янцзы. После рубежа эр уже четко прослеживается распространение этих культур вширь (исламизация и складывание арабского халифата, христианизация Руси, формирование «христианского мира» в Европе; рецепция китайской культуры «северными варварами» в Восточной Азии). Все «мирь» вынуждены выстраивать отношения как по

широте, так и по меридиану. На слуху прежде всего «вестернизация» и «истернизация» как механизмы решения дихотомии «Восток–Запад», однако и отношения Юга (Средиземноморье в Европе, собственно Китай в Азии) и Севера («варварь») не раз принимали характер противостояния. На новых территориях существовала специфическая ситуация: иная экономика, свой язык, развитая «языческая» культура, этническая раздробленность. Народы здесь не успевали «вырастить» свою новую, объединяющую всех культуру, но в интеграции нуждались. Естественно, они поспешили воспользоваться возможностью рецепции.

Для освоения и структурирования пространства в традиционном обществе особую значимость имеет парадигмальное знание, которое формируется в древности. В Европе это греко-римская античность, в Восточной Азии – ханьская социокультурная модель, в которой особую роль играли китайский язык, конфуцианство и имперская доктрина.

Процессы на «дальнем» Западе и «дальнем» Востоке идут во многом сходно, ибо в обоих регионах конструкция «империя – варвары» выражена наиболее рельефно, что говорит о принципиальной важности для самого процесса формирования европейской и восточноазиатской цивилизаций именно дихотомии «Север–Юг». Именно здесь феномен «аустрализации», т. е. ориентации на юг, если использовать этот термин по принципу аналогии, является наиболее частым случаем меридиональной ориентации. Это заимствование культуры и политических институтов Юга особенно хорошо освещено в источниках по истории двух «варварских» империй – Каролингской (715–843) на Западе и Ляо (907–1125) на Востоке.

Основными механизмами этой операции стали «возрождение» и рецепция, вернее, их сочетание. На Западе это Каролингское и Оттоновское Возрождения (VIII–XII вв.). В кочевой зоне Восточной Азии разворачивается Киданьский Ренессанс – период интеллектуального и культурного возрождения в эпоху правления киданьской династии Елюй в империи Ляо (907–1125). В это время наблюдался расцвет литературы, истории, искусств, архитектуры, юриспруденции [3].

Не нужно забывать, что основным смыслом и содержанием процесса заимствования более высокой чужой культуры

является ее использование лишь как средства или источника некоторых идей. Этот процесс в целом носит служебный характер и потому-то и носит наименование «рецепции культуры», «принятия, взятия» (в соответствии со значением латинского *Reserption*). Эта рецепция осуществляется этнополитической элитой общества ради нужд государства.

Диалог двух соседних культур идет в двух формах. Во-первых, это этнизация, т. е. обмен людьми. Этому способствует сложившаяся еще в глубокой древности этногенетическая близость племен и народов. Этнические различия существуют на генетическом уровне и сглаживаются лишь на протяжении многих столетий. Это означает, что сближение идет лишь на уровне отдельных людей и, что называется, в арифметической прогрессии. К тому же южные и северные зоны отличаются в экономическом отношении. На севере динамичная кочевая экономика, на юге – оседлая, земледельческо-городская. Это означает, что по крайней мере в Средние века ни Север не может поглотить Юг, ни Юг заселить Север. Однако это не препятствует процессу культуризации, обмену информацией. Он будет идти поистине в геометрической прогрессии, хотя тоже не приведет к информационному поглощению какой-либо из зон. Экстерриториальный фактор никогда не победит эндотерриториальную ментальность. Отношения в семье, общине, роде для большинства населения важнее геополитической стратегии или макроэкономических соблазнов.

Южная культура создает «античность» для всего метарегиона, но и она сама, и тем более северные культуры берут из этой «античности» лишь секулярные идеи и рецепты, на базе которых формируют исклю-

чительно общую арматуру социополитической структуры. Онтологический и аксиологический пласты культуры остаются прежними, а именно они определяют философию развития рода, племени и этноса в целом. Именно по этой причине излишнее увлечение южной культурой либо жестко регулируется, либо в определенные моменты полностью блокируется. «Рецепция культуры» подчеркивает взгляд на культуру как лишь на средство, «инструмент». При «инкультурации» же («вхождении в культуру») акцент зачастую делается на «погружении в культуру», а не на преобразовании культуры.

В то же время появляются люди, которые уходят полностью в новую культуру. Их интересуют в большей степени «профанские знания» (философия, литература, право), а не идеологические и религиозные, т. е. не практическая сфера и не «высшая мораль», и уже хотя бы по этой причине они воспринимаются и современниками, и потомками как своего рода маргиналы, «лишние». Таких людей очень немного, но они явно выделяются на общем фоне. Обратимся к личностям двух из них, людям с яркой и печальной судьбой. В Европе это Иоанн Скотт Эриугена, в Азии – старший сын основателя династии Елюй в империи Ляо по имени Туяюй.

Иоанн Скотт Эриугена (Эриугена, ок. 810–877) был родом из Ирландии. Вероятно, из-за нашествий норманнов он эмигрировал на континент, однако кроме этого его привлекала и перспектива получения более глубокого образования. Он хорошо знал латинский и греческий языки и немного древнееврейский, античную философию и высоко ценил Платона и Аристотеля.

В середине IX в. Эриугена, этот «варвар, родившийся на краю света» («*vir barbarus*,

in finibus mundi positus»), как говорил о нем Карлу Лысому папский кардинал Анастасий Библиотекарь, был приглашен руководить придворной школой Карла II Лысого. Королем от отца остался в наследство «корпус Ареопагитики», однако среди преподавателей не было специалистов по греческой философии.

Вскоре монах фульдского монастыря Годескальк (Готшалк) во время своего пребывания в Италии выступил с заявлением о том, что Бог, если он всемогущ, предопределяет человека к добру и злу. Он отталкивался во многом от сочинений Аврелия Августина. Эриугена считался хорошим знатоком этих сочинений и по настоятельным просьбам короля и епископов Гинкмара Реймского и Пардула Ланского принял в 851 г. активное участие в этом споре. В результате появился его трактат «О божественном предопределении» (*De divina praedestinatione*), во многом основанный на сочинениях античных и византийских философов. Эриугена отверг двойное предопределение исходя из того, что для Бога нет ни прошедшего, ни будущего. Он создал человека со свободной волей, и именно злоупотребление свободой есть единственный источник зла. Души умерших попадают в единый загробный огонь, но для праведников он благодатен, а для грешников мучителен. Также и солнце светит всем, но для здоровых глаз его свет приятен, а для больных болезнен. Этот трактат и взгляды Эриугены были осуждены на поместных соборах в Балансе (855) и Лангре (859), однако король по-прежнему покровительствовал ему.

В 870 г. Альфред Великий пригласил Эриугену в Оксфордскую богословскую школу, откуда он из-за разногласий с преподавателями перебрался в аббатство Мальбери. О его смерти точной информа-

ции нет. По свидетельству Вильяма Мальмсберийского (XII в.), Эриугену закололи писчими перьями (*graphiis*) его же ученики, за это он был впоследствии объявлен мучеником. Правда, по другой версии он умер еще во Франции.

Теологические и философские воззрения Эриугены и его особая увлеченность античной культурой нашли яркое отражение в главном его труде «О природах» (*Peri phisēōn*) в пяти книгах, который в XII в. получил название «О разделении природы» (*De divisione naturae*, ок. 862–867).

Уже папа Николай I (800–867) не случайно сомневался в ортодоксальности его учения. Как писал Г.А. Штокаль, «систему Эриугены можно назвать гениальной, но ее нельзя назвать христианской». Многие исследователи справедливо подчеркивали смешение у Эриугены религии и философии, использование неоплатонических пантеистических представлений о саморазвитии Бога, подчинение веры разуму. Его взгляды были признаны еретическими в 1204 г. В 1225 г. его основной труд был сожжен по указу папы Гонория III, а в 1684 г. внесен в Индекс запрещенных книг.

Елюй Туюй, известный также под китайским именем Пэй, был старшим сыном первого киданьского императора Елюй Апоки. Отец готовил его в свои преемники. С его именем связана постройка первого киданьского храма в честь Конфуция (916). Император обратился к своим сановникам: «Я хочу приносить жертвы имеющему наибольшие заслуги и добродетели. Кто из таких людей самый выдающийся?» ... Туюй сказал: «Конфуций – великий мудрец, которого почитают уже в течение десяти тысяч поколений. Его следует считать самым выдающимся» [2, с. 472]. Император распорядился о постройке храма и

велел Тууюю приносить в нем жертвы весной и осенью.

В 926 г. кидани захватили территорию восточного государства Бохай и создали здесь вассальное государство Дундань-го (Восточный /ки/ дань). Во главе его и был поставлен Тууюй с королевским званием *ван* и китайским титулом *Жэньхуанван* («царственный ван народа»). Он объявил амнистию: помиловал всех, приговоренных к смертной казни, и смягчил меру наказания для других. В государстве во многом сохранялись старые административная система и территориальное деление. Тууюй имел свой девиз правления, императорские регалии и мог самостоятельно отправлять посольства в Японию и Китай.

Бохай считали «державой просвещения и ученых». В государстве существовал закон, по которому совершеннолетним юношам знатного происхождения не разрешалось жениться до тех пор, пока они не овладеют грамотой и стрельбой из лука. Развитие бохайской культуры проходило под влиянием со стороны соседей – танского Китая, тюрков, монгольских племен, японцев. Влияние ее прослеживается далеко за пределами Бохайского государства. Японский театр в середине VIII в. испытал влияние бохайской театральной культуры. В 749 г. в монастыре Тодайдзи во время празднеств было исполнено бок-кайгаку – «бохайская музыка». Киданям бохайцы передали слоговую систему письма, полученную ими от тюрков. Это было использовано киданями при создании большого киданьского письма. От бохайцев киданями была заимствована и система «пятой столиц».

И всё же вскоре по Бохаю прокатилась волна антикиданьских восстаний. Кидани вынуждены были держать в Бохае большие гарнизоны и в течение долгого вре-

мени не облагали бохайцев налогами на землю, спиртные напитки, дрожжи и соль [4, р. 195, 314]. Правитель был поставлен под довольно жесткий контроль со стороны правительства Ляо.

После смерти Елюй Апоки в Бохэе его жена императрица Шулюй Пин (кит. Елиду) (879–953), которая очень любила своего младшего сына, захотела сделать его новым правителем. Шулюй считала к тому же, что старший сын Пэй (Тушой) является слишком «китаизированным». Пэй (Тушой) признал выбор, но новый император не поверил в его искренность и повелел ему жить в Дуншине, объявленном Южной столицей государства Ляо. Тушой счел себя обиженным и сделал несколько попыток бежать в китайскую империю Тан. В конце 930 г. под предлогом охоты он приехал на берег моря (Бохайский залив) и сказал своим приближенным: «Я уступил Поднебесную императору, но он относится ко мне с подозрением, мне лучше уехать в чужое государство». Император пожаловал ему фамилию Дундань, имя Му-хуа (в следующем году фамилия была изменена на Ли, а имя – на Цзань-хуа) и назначил на должность генерал-губернатора Хуайхуа.

Тоскуя по родине, Тушой поставил на берегу моря деревянную стелу и на той ее стороне, которая была обращена к киданьскому берегу, поместил свои стихи из двадцати китайских иероглифов:

*Маленькая гора подавила большую гору,
У большой горы совершенно не оказалось сил,
Ей стыдно смотреть на своих земляков,
Поэтому в поисках прибежища
Она бежала в чужое государство.*

Тушой (Ли Цзань-хуа) любил читать книги и не любил заниматься охотой. Еще будучи правителем Дундань (Бохая), он приказал собрать слитки золота, тайно пое-

хал в Ючжоу для покупки книг и привез оттуда несколько десятков тысяч цзюаней (томов, свитков). Им была устроена библиотека на горе Иулюй, на здании которой висела доска с надписью «Ванхайтан» («библиотека Любования морем»). Он хорошо разбирался в натурфилософии, знал музыку, врачевание, писал сочинения на китайском и киданьском языках, перевел на киданьский язык даосскую книгу *Иньфуцзин*. В разговоре с китайским послом Яо Кунем он свободно ссылаясь на *Цзо-чжуань*. По «Ляо ши», его картины, например «Стреляющий всадник», «Всадники, охотящиеся по снегу», «Тысяча оленей», хранились при дворе сунского императора.

В 934 г. император династии Хоу Тан (Поздняя Тан) был лишен престола. Недовольный этим Тушой тайно предложил своему брату Яогу (второму киданьскому императору Дэгуану) прислать киданьские войска. Когда они появились в пределах государства, узурпатор Лу Ван предложил Тушой самому покончить жизнь самоубийством и сжечь себя вместе с родственниками. Тушой отказался, тогда узурпатор послал евнуха Цинь Цзиминя и начальника охраны императорского города Ли Яньшэня убить Туоя в его усадьбе. Тушой было 38 лет.

Киданьский император Тай-цзун (Дэгуан) разыскал Ли Яньшэня и Цинь Цзиминя, убил их, а членов их семей и имущество подарил Уюю, сыну Туоя. Впоследствии Уюй, вступивший на престол под титулом Ши-цзуна, похоронил отца на горе Иулюй и поднес ему посмертный титул Жанго хунди («император, уступивший государство»).

На появление людей типа Эриугены и Туоя повлиял ряд факторов, некоторые из которых вполне можно определить на ос-

нове историко-культурного анализа. Стоит отметить, что такие люди неоднократно встречаются в истории во все времена и во всех цивилизациях. Иисус Христос вышел за социум, взял за основу своей жизненной философии «истину» и жил по ней; непонятыми долго оставались идеалист и просветитель Кассиодор, философы Эриугена и Р. Бэкон, еретик Ян Гус, сделавшие смыслом своей жизни поэзию А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов или И. Бродский. «Людьми культуры» можно с полным основанием считать и монахов как на Западе, так и на Востоке или носителей еврейской идентичности, выбиравших для себя идею «гетто», т. е. проживания, отдельного от «мира». В средневековом Китае подобные люди даже сформировали нечто вроде движения под названием *Вэньжэнь-хуа* – «живопись образованных/культурных людей/литераторов». Понятно, этот набор до определенной степени случаен, но он все же свидетельствует, что таких людей было не так уж мало.

Стоит подчеркнуть и то, что они рассматривали культуру не как средство достижения общественных или личных целей, а связывали с ней смысл всей своей жизни, жили ею и ради нее. «Человек культуры» своим путем входит в мир культуры, не приспособливается к ней и не делает ее средством достижения своих конъюнктурных целей. Культура для него – не средство, а сама жизнь. Именно в ней он реализует свою поистине онтологическую потребность. Аврелий Августин ценил диалог «Гортензий» за призыв любить мудрость ради самой мудрости. Эриугена ставил мудрость выше всех других качеств и целей человека. Он, как и его современник Анастасий Библиотекарь, был увлечен греческой культурой. Анастасий отлично знал

греческий язык и упражнялся в переводах с греческого житий святых.

«Людей культуры» интересуют в большей степени «профанное знание» (философия, литература, право), а не идеологические и религиозные, т. е. не практическая сфера или «высшая мораль», и уже по этой причине они воспринимаются и современниками, и потомками как своего рода маргиналы, «лишние».

Кто-то из них со временем отходит от этого увлечения. Августин «переболел» тягой к античности, однако прежде чем стать христианином, окунулся в мрак манихейства и агностицизма. Покровитель Эриугены Карл Лысый сделал это своим «хобби» и на досуге с удовольствием погружался в беседы с философом. До конца жизни оставался знатоком китайской учености основатель западнокиданьского государства Елюй Даши (XII в.).

Те же, кто был предан этой сфере до конца, находились в сложных отношениях с современным им социумом. «Человек культуры» живет в культуре и культурой, для него культура есть образ жизни, он живет «в искусстве», «ради искусства», и уже в силу этого становится достаточно асоциальным. Об этом свидетельствуют преследования Эриугены церковью и нелюбовь к нему даже со стороны учеников. Он пишет никому не интересные и не нужные сочинения, которые начнут понимать только в XIII в. Даже сейчас их воспринимают как страницу схоластики, свидетельство свободомыслия, анализируют лишь отдельные идеи мыслителя. Туюю не давали использовать свои обширные познания в политической сфере, оттеснили от императорского трона, а в конце концов просто уничтожили физически. Он считался *бессмысленным собирателем* книг и читателем, ведь об-

разование должно быть формой подготовки к служению обществу. Эриугену и Туоя, как ранее в остготском государстве Боэция, Симмаха и Кассиодора, считали агентами влияния южан. Поведение Туоя описывается в «Ляо ши» («Истории династии Ляо») как девиантное. Сложные отношения с советской властью были и у российских поэтов XX в.

Иоанна Скотта Эриугену и Елюй Туоя можно назвать своеобразным продуктом каролингского и киданьского Возрождений. Традиционно «представителями Возрождения» считали тех, кто «внес вклад» в развитие культуры, был «провозвестником» или «типичным представителем» того или иного этапа Ренессанса. Главным критерием при таком суждении о человеке является степень его служения обществу, а эти «люди культуры» как «негодяи» (негодные люди) живут только культурой и только ради культуры. При этом невольно вспоминается та борьба, которую вели деятели «пролетарской» культуры в нашей стране с теми, кто провозглашал лозунг «искусство ради искусства». «Люди культуры» не участвуют в общесоциальной культурной программе, более того, они фактически не оказывают на нее никакого влияния. Они никуда не плывут. Для них культура не река, а море.

Можно говорить, что «люди культуры» стали одним из результатов широкого распространения новой системы образования. Образование в любые времена рассматривается лишь как форма подготовки той или иной деятельности. Оно связывалось именно с началом сознательной жизни, и заниматься дальнейшим образованием после обретения необходимых навыков и знаний казалось бессмысленным. Сами по себе знания и «искусства» считались бес-

плодными, если они не предшествуют «постижению истины»; неутолимое стремление к знаниям ради знаний это путь в никуда. Образование есть лишь средство трансляции, кодификации и организации культуры, оно служит и должно служить целям воспитания. Как писал один из биографов деятеля Каролингского Возрождения Алкуина, «в юности читал этот муж Господень книги древних философов и лживые рассказы Вергилия, но после не хотел их ни сам читать, ни позволять ученикам своим, говоря: “Достаточно с вас божественных поэтов, нет вам нужды и пятнать себя сладострастным краснобайством Вергилиевой речи!”» [1, с. 230].

Большинство людей предпочитают «правильные», т. е. единственно верные ответы, готовые рецепты, мнение большинства, образцы для подражания. У них чисто потребительское (нормальное для человека, особенно для низов общества) отношение к культуре. Им нужна идеология как непротиворечивая и общепринятая система представлений. В христианском мире это Библия (ее часто знают наизусть!). Необходим и инструмент ее трактовки и применения – Священное Предание. В повседневной жизни нужен и «круг чтения» из значимой и популярной литературы. Лучше всего в таких случаях работает идея «учебника», который состоит из структурированного знания, упражнений и антологии (хрестоматии). Для «человека культуры», однако, учебник – лишь пропедевтика. Он использует его лишь для знакомства, и не более. Ему нужна не верхушка айсберга, а его подводная часть. Тем самым он попадает в иную систему координат, более близкую ему по духу, но и отдаляется от основной массы людей. Над ним иронизируют, называют его «ученым мужем», его боятся

и недолюбливают. Понимают их «послезавтра», когда начинает формироваться обширный слой интеллектуалов и эта культура будет нужна уже постоянно. Эриугену реально оценили лишь гуманисты Высокого Возрождения, т. е. того времени, когда культуру стали возрождать больше той нормы, чем была при Каролингах. Коллекцию книг Елюй Туоя оценили до сих пор лишь буддийские монахи и китайские коллекционеры.

Это ученые мужи, которые практически лишены тщеславия. Оно основывается на корыстности и конъюнктурности и заставляет занимать место в социуме и что-то делать для этого, а занятия наукой ради науки не связаны с деятельностью «на благо трудящихся». В цепочке «образование–воспитание–служение обществу» они предпочитают оставаться на первой стадии, хотя и преследуют цель развития общества в лучшую сторону. Эриугена работает со злободневными в то время проблемами (предопределение) или текстами (Дионисий Ареопагит). Тексты он рассматривает как синтез античности и христианства, но для него основа основ – античность.

У Туоя более слабая подготовка, разумеется, с точки зрения человека из оседлой зоны. Он скорее «библиотекарь», собиратель текстов, который читает их и копирует. Его всё же больше интересует политика, и он пытается с помощью южной «древней» культуры управлять тем же Бохаем, что вызывает крайнее недовольство его отца. Это тоже проблемная в те времена сфера, как и понимание христианства северянами в Европе. Запад все силы бросил на освоение религии, ибо политическое реформирование и сближение народов уже было подготовлено через механизмы «варварских королевств». На Востоке полити-

ческая и культурная ситуация была сложнее, ведь там проблемно сосуществовали три политических центра: Ляо, Китай, Бохай и три центра культуры: монгольский, китайский и тунгусо-маньчжурский.

Деятельность Эриугены пришлось на IX в., а Туоя – на X в. В Европе уже прошел процесс «сохранения» античной культуры в ходе готских ренессансов; в Ляо он фактически только начинался, если не считать отдельных преобразований в предшествующем столетии. Эриугена уже есть некоторый продукт традиции, а Туой – начало; еще только «собираительство», а не развитое «земледелие», но уже и не «скотоводство». Туой собирает «семена», а Эриугена уже выращивает «растения» (темы). Любопытно, однако, что итоги их деятельности стали явственны в одно время, в XII в. Именно они, их деятельность, сочинения, советы станут первой пробной конструкцией интеллектуалов, истоками широкого круга схоластов и университетских преподавателей. Благодаря им происходит отбор текстов и проблем применительно уже к иной, еще не родившейся ситуации, формируется философия этого отбора, намечается новое проблемное соотношение различных культурных конструкций (античная, ментальная, готская, византийская; танская, сунская, ханьская, кочевая). Их личные собрания книг станут основой будущих библиотек. Они станут своеобразным мостом между культурами раннего и классического Средневековья.

Литература

1. *Гаспаров М.А.* Каролингское возрождение (VIII–IX вв.) // Памятники средневековой латинской литературы IV–IX вв. – М.: Наука, 1970. – С. 223–242.

2. *Е Лун-ли.* История государства киданей (Цидань го чжи) / пер. с кит., введ., коммент. и прил. В.С. Таскина. – М.: Наука, 1979. – 607 с.

